

I

Мальчик

Гном

Воскресенье, 20 марта

Жил однажды мальчик. Худой, долговязый, с льняными волосами. Лет четырнадцати. Назвать его примерным или хотя бы просто хорошим мальчиком язык не поворачивается. Нет, ни примерным, ни просто хорошим назвать его нельзя. Больше всего он любил поесть и поспать, но это бы полбеды. А беда в том, что, когда мальчик не ел и не спал, он затевал разные зловредные проказы и каверзы.

Как-то в воскресенье родители собрались в церковь. Мальчик оперся локтями на стол, а подбородок положил на руки. Дожидался, пока уйдут.

Повезло. Часа два их не будет. Можно, к примеру, взять отцовское ружье и пальнуть пару раз, и никто ничего не скажет!

Но отец будто прочитал его мысли. Ведь уже ушел почти, и надо же — в последний момент остановился на пороге и внимательно посмотрел на сына:

— Раз уж ты не идешь с нами в церковь, будь любезен прочитать проповедь дома. Понял?

— Само собой. Почему бы не прочитать.

Только и дел мне, что читать вашу проповедь!

А мать точно пружина подбросила. Не успел мальчик оглянуться, она уже схватила с полки «Домашнюю

Постиллу»¹ и впечатала в стол у него перед носом. И когда только успела — открыла книгу как раз на странице с сегодняшней проповедью! Рядом положила Новый Завет. А напоследок придвинула к столу кресло, купленное в прошлом году на распродаже в пасторской усадьбе. С чего бы честь такая — обычно в нем позволялось сидеть только отцу.

Что это они так стараются? — подумал мальчик. Пару страниц прочитаю, но уж никак не больше. Еще чего!

И опять! Да что ж это такое! Отец, похоже, и вправду умеет читать мысли. Подошел вплотную к сыну и раздельно сказал:

— И чтоб прочел как следует! Не с пятого на десятое, а как следует. Придем из церкви, спрошу по каждой странице! По каждой странице! Пропустишь что-то — пеняй на себя.

— Проповедь на четырнадцать с половиной страниц, — подлила уксуса мать. — Начинай прямо сейчас, а то не успеешь.

И ушли. Наконец-то.

Мальчик подошел к двери и посмотрел им вслед. Хороши родители — подстроили ловушку. Идут, наверное, и радуются, как здорово придумали... А ему весь день мусолить эту проповедь.

Но тут он ошибался. Родители вовсе не радовались, хотя радоваться было чему. Конечно, они небогаты, но трудолюбивы и упорны. Арендовали крошечный клочок земли и работали в поте лица. Когда переехали, у них был только поросенок и пара кур. Но сейчас и хутор побольше, и надел получше, и дела пошли неплохо. Теперь и коровы есть, и гуси. Всех они в состоянии прокормить. Что еще надо? Можно со спокойным и радостным сердцем идти на воскресную службу.

¹ «Домашняя Постилла» — собрание воскресных проповедей Мартина Лютера, изложенных простым и доступным языком. Издана в 1544 году, на русский язык переведена впервые в 2011 году. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Все бы так и было, если бы не сын. Отец считал, что мальчишка туповат, ленив, ничему не хочет учиться, да и вообще ни к чему не пригоден, разве что гусей пасти. А мать с ним не спорила. Все правда — и туповат, и ленив. Но это, как говорится, от Бога.

Ее больше беспокоило другое. Ей казалось, что у нее вырос недобрый и даже жестокий сын. Нет для него большего удовольствия, чем подстроить какую-нибудь злую шутку или поиздеваться над животными.

И молилась она только об одном: чтобы Бог дал сыну доброе сердце. «Боже, дай ему доброе сердце», — чуть не каждый день шептала она, опустив голову в ладони. Дай ему доброе сердце, иначе принесет он родителям одни горести, да и сам счастья не узнает...

А мальчик довольно долго стоял на пороге, смотрел им вслед и размышлял, читать ему проповедь или нет. Отец сказал — пеняй на себя...

На этот раз лучше послушаться. Уселся в пасторское кресло и начал вслух читать. Бормотал, бормотал... и то ли проповедь его усыпила, то ли собственное бормотание, но очень скоро он начал клевать носом.

А на дворе весна. Всего-то двадцатое марта, но в приходе Западный Вемменхёг на юге провинции¹ Сконе уже весна. Зелень еще не появилась, но почки — тут как тут. Придорожные канавы залиты до краев талой водой, по обочинам цветет мать-и-мачеха, заблестела и потемнела кора на кустарнике у забора.

Родители оставили дверь приоткрытой, и слышно, как весело заливается жаворонок. По двору бродят куры, и, судя по кудахтанью, им тоже весело. Степенно, но бодрее, чем обычно, вперевалку выступают гуси и при каждом шаге поворачивают голову: налево, направо, налево, направо. В коровнике тоже, наверное, пахнет весной — оттуда время от времени доносится радостное мычание.

¹ Провинции в Швеции — чисто географическое деление, не совпадающее с административным. Административная единица называется *лен*.

Мальчик читал, бормотал и то и дело встряхивал головой. Вот засну, не успею все это выучить, ну и попадет мне от отца!

И все же заснул.

Он и сам не знал, сколько проспал. Разбудило его тихое постукивание за спиной.

На подоконнике, как раз напротив, стояло большое зеркало, в нем отражалась почти вся комната. И он сразу увидел, что крышка большого сундука открыта.

Большой, тяжелый, посеревший от старости дубовый сундук с железной резной окантовкой. Никому, кроме матери, не разрешалось не только открывать, даже прикасаться к этому сундуку. Там хранилось ее приданое. Чего там только не было! Два старинных народных костюма: красные блузы с коротким лифом, сборчатые юбки, большая брошь с жемчугом. Накрахмаленные косянки, тяжелые серебряные пряжки и цепочки. Теперь, конечно, никто такое не носит. Мать много раз собиралась выкинуть все это старье, но так и не собралась.

А сейчас крышка откинута. И как это может быть? Он сам видел — мать копалась в сундуке перед уходом, а потом закрыла крышку. Она ни за что не оставила бы сундук открытым.

И ему стало страшно. А что, если, пока он спал, в дом забрался вор? Что делать? Настоящий разбойник может и убить, им это нипочем, разбойникам.

Он сидел, не шелохнувшись, делал вид, что спит, и подглядывал в зеркало.

Вор так и не показался, но мальчик краем глаза заметил какое-то движение. На сундуке шевелилась странная тень, словно какая-то жидкость, быстро темнея, переливалась в невидимом флаконе. Вгляделся, зажмурился, посмотрел опять — и не поверил своим глазам.

То, что он принял за тень, была никакая не тень.

Это был гном. Настоящий гном. И этот настоящий гном сидел на передней стенке сундука верхом, как на лошади.

Мальчик слышал, конечно, о гномах. Говорили, что в каждом доме есть свой гном, гном-домовой. Эти гномы-

домовые якобы считают людей своими подопечными и следят, чтобы семья жила в достатке. Но он даже вообразить не мог, что они такие крошечные. Высотой в ладонь, не больше. Безбородое личико, морщинистое, как у старика. Черный камзол, брючки до колен и широкополая шляпа — настоящий франт. Кружева на воротнике и манжетах, башмаки с золотыми пряжками, подвязки на брючках собраны в изящные розетки.

И этот гном, оказывается, вытащил из сундука бабушкин вышитый передник и с восторгом рассматривал. Качал головой и тихонько цокал языком от восхищения. Увлекся и даже не заметил, что кто-то за ним наблюдает.

Мальчик, конечно, удивился и немного испугался. Не каждый день увидишь гнома. Но испуг быстро прошел. Чего его бояться — такой маленький. И к тому же занят передником, ничего не видит и не слышит. Можно спихнуть его в сундук и захлопнуть крышку. Вот будет потеха!

Потеха-то потеха, но прикоснуться к гному он все же не решался. Кто их знает, про них всякое говорят... Не поворачивая головы, пошарил глазами по комнате — с чем бы к нему подступиться? Диван, складной стол, кастрюли, медный кофейник на полке у плиты. Бидон с водой у двери. Тарелки и блюда в полуоткрытом шкафу. Там же, в ящике, половники, ложки, ножи и вилки. На стене, рядом с портретом датского короля, висит отцовское ружье. Герань и фуксии на окне.

Взгляд его упал на сачок для бабочек, висевший на вбитом в наличник гвозде.

Мальчика словно подбросило — он в два прыжка оказался у окна, схватил сачок и накрыл им край сундука. Какая удача! Он сам удивился, как ловко у него вышло: гном оказался в сачке! Бедняга лежал на дне частой сетки вниз головой и судорожно дергал ручками и ножками. Мальчик повернул сачок половчее, чтобы гном не выбрался, и задумался. И что делать дальше с таким уловом?

Гном попытался перевернуться и вылезти из сачка, но каждый раз, когда ему удавалось зацепиться за сетку,

его мучитель встряхивал сачок, и гном опять оказывался на дне.

И вдруг гном заговорил!

Я столько сделал для вашей семьи и заслужил лучшего обращения, сказал гном. Если ты меняпустишь, получишь в награду старинный норвежский далер, серебряную ложечку и золотую монету величиной с карманные часы. С карманные часы!

Посулы не показались мальчику чересчур уж щедрыми. Удивительно другое: как только он поймал гнома в сачок, ему опять стало страшно. И не то чтобы страшно, а так... не по себе. Он вступил в сношения с иным, чуждым миром, и лучше бы отпустить это странное создание на все четыре стороны.

Так и надо сделать. Он перестал раскачивать сачок. Гном уже почти выбрался на свободу, как вдруг мальчику пришло в голову, что он делает ужасную глупость. Ведь можно потребовать что угодно — этот гном наверняка несметно богат. По крайней мере, мог бы помочь выучить эту занудную проповедь, ведь ему наверняка ничего не стоит просто взять и вложить эти четырнадцать с половиной страниц ему в голову!

Не надо быть дураком!

Он поспешно встряхнул сачок.

И в этот самый момент кто-то дал ему оглушительную оплеуху. Ему показалось, что голова раскололась на части. Он отлетел к стене, потом к другой и свалился на пол без сознания.

А когда очнулся, гнома и след простыл. Сундук закрыт, сачок висит там, где и раньше, — на окне. Если бы так не горела щека, можно было подумать, что все ему только приснилось.

Отец с матерью ни за что не поверят, решил мальчик. И урок спросят все равно. Так что лучше прямо сейчас взяться за эту проповедь.

Он пошел было к столу и остановился как вкопанный. Комната, знакомая с раннего детства... что с ней? Выросла она, что ли? А пасторское кресло? Выглядит как всегда, но во много раз больше. Ему пришлось сначала

залезть на царгу, а потом по ножке вскарабкаться на сиденье. И стол тоже вырос — надо встать на ручку кресла, чтобы дотянуться до столешницы.

Что же это такое? Гном заколдовал мебель! Да не только мебель — всю хижину!

Книга Лютера лежала на столе. Книга как книга, только и она выросла до слоновьих размеров. Чтобы прочитать хотя бы одно слово, ему пришлось встать на страницу.

Мальчик с трудом прочитал пару строчек, поднял голову, посмотрел в зеркало и, не удержавшись, крикнул:

— Еще один!

Потому что в зеркале он увидел другого гнома — такого же коротышку, только не старичка, а своего ровесника, в вязаном белом колпачке и кожаных брючках.

— Он же одет точно, как я! — воскликнул мальчик и хлопнул в ладоши.

Гном в зеркале сделал то же самое и посмотрел на него с удивлением.

Он потянул себя за волосы, ущипнул за руку, начал раскачиваться — тот, в зеркале, повторял все его движения.

Мальчик слез со стола и забежал с другой стороны зеркала — не стоит ли там кто-то и дразниться?

И никого не нашел.

Обратная сторона зеркала была наглухо закрашена красно-коричневой краской.

Дикие гуси

Поверить невозможно — он превратился в гнома! Ну, нет, подумал мальчик, скорее всего, я сплю. Проснусь — и опять стану человеком. Надо только немножко подождать.

Он встал перед зеркалом, зажмурился, подождал пару минут и снова открыл глаза в уверенности, что все встанет на свои места. Но нет — как был, так и остался таким же крошкой. Лняные волосы, веснушки, заплатка

на кожаных брючках, штопанный чулок — всё его, но он уменьшился раз в пятнадцать.

Стоять у зеркала и ждать, пока вырастешь, довольно глупо. Надо попробовать что-то другое. Лучше всего найти гнома и помириться с ним. Попросить прощения.

Спрыгнул на пол и начал искать. За шкафами, под диваном, за сундуком, даже в печь заглянул и в мышиную норку — ни следа. Гнома как ветром сдуло.

Он искал и искал, начал плакать, клялся, что никогда больше не изменит данному слову, никогда больше не позволит себе такие злые шутки, никогда не заснет над проповедью. Никогда, никогда... он будет послушным, добрым, он будет просто замечательным и образцовым мальчиком, только бы опять стать нормальным.

Никакие обещания не помогали.

Тут он вспомнил. Мать рассказывала: маленький народец часто селится в коровниках. Надо поискать там.

Ему повезло — входная дверь была приоткрыта, иначе ни за что не добраться до дверной ручки

Дома он, само собой, ходил в чулках. А как теперь выйти на улицу в огромных, чуть не больше его самого, деревянных чоботах? И ахнул: у самого порога стояла пара крошечных деревянных башмачков. Значит, гном позаботился и об этом. Сделал башмачки по размеру.

И ему стало совсем страшно. Значит, это надолго. Значит, гном разозлился всерьез.

На дубовой доске перед входом лениво прыгал воробей. Увидел мальчика, встрепенулся и зачирикал:

— Чив! Чив-чив! Поглядите-ка на гусепаса Нильса! Мальчик-с-пальчик! Нильс Хольгерссон — мальчик-с-пальчик! Тумметот!¹ Мальчик-с-пальчик! Коротышка — чив! — Нильс — чив! — Хольгерссон! Тумметот!

На его отчаянное чириканье сбежались и гуси, и куры.

— Ку-ка-ре-ку! — заорал петух. — Так ему и надо! Ку-ка-ре-ку! Будет знать, как дергать меня за гребешок!

— Так-так-так...та-а-ак! — заскрипели куры. — Так тебе и надо. Так-так-та-а-ак!

¹ Тумметот — так в известной детской считалке называется большой палец.